

сдавать кому-либо в аренду или продавать каким-либо способом. Например, выпуская на него акции. Это равносильно тому, чтобы несколько раз продавать одну и ту же вещь, т. е. равносильно мошенничеству и экспроприации собственности коллективов.

Но если коллектив не хочет владеть предприятием? Он может тогда сделать с ним что угодно: сдать в аренду, продать кому-либо (целиком или по частям), или даже подарить!

Переход средств производства во владение трудового коллектива (форму и правила владения устанавливает, разумеется, сам коллектив) неотделим от введения внутренней демократии (на предприятии, учреждении) политического характера. Совет коллектива — законодательная власть, администрация — исполнительная, ревизионная — судебная. Вслед за внутренней демократией политического характера неизбежно развитие и производственной демократии — разбивка коллективов на самоуправляющиеся хозрасчетные бригады и т. д.

Вступление демократии внутрь трудовых ячеек общества — одно из важнейших, epochальных следствий групповой собственности, в свою очередь вытекающей из нового, правового понимания собственности. По мере развития сознания людей авторитаризм в трудовой ячейке становится так же нетерпим и вредоносен, как и в структуре государства. Развитие средств производства тоже стимулирует введение внутренней производственной демократии, так как работа начинает требовать все большего проявления инициативы и творческого подхода от рядовых работников и одновременно их все труднее становится контролировать.

Следующим важнейшим следствием нового понимания собственности представляется введение на предприятиях с групповой собственностью принципа: кто не работает, тот не владеет. Или: владеет тот, кто работает на данном предприятии.

Коллективы групповых предприятий, не желая отдавать продукцию своего труда, свою собственность в чужие руки, повсеместно устанавливают, что уходящие с работы люди обязаны продавать свой пай или акции коллективу и теряют права на совладение и участие в прибылях. За счет продажи пая они получают крупные денежные куши, а коллектив избавляется от потенциальных эксплуататоров. С этой же целью 90 процентов групповых предприятий на Западе не продают на рынке своих акций или вообще обходятся без них, заменяя их лицевыми счетами. Все это позволяет называть такую групповую собственность, в отличие от кооперативной или акционерной (открытого типа), групповой трудовой формой собственности.

И вновь важное следствие. Такая форма собственности в борьбе за выживание порождает новый способ расширенного воспроизводства (создания новых предприятий). Воспроизводство, накопление и перелив капитала осуществляется с помощью региональных инвестиционных фондов, формируемых из отчислений от прибылей групповых предприятий региона и находящихся под их контролем. Таким образом, экстенсивное расширение перестает быть целью деятельности отдельных предприятий. Оно им невыгодно, так как оставляет слишком мало прибыли на увеличение дохода и улучшение условий труда (включая экологическую среду). Прибыль, соответствующую часть, они тратят только на интенсивное развитие (улучшение технологий). В результате прекращается конкуренция в экстенсивном расширении и накоплении капиталов. Целью коллективов становится «накопление» благополучия работников и улучшение условий труда. Экономика перестает, наконец, идти по формуле Деньги—Товар—Деньги, где Товар — а это и человек, и труд, и природа — средства накопления капитала, и начинает идти по формуле: товар—деньги—товар, где деньги — уже средство, не цель.

Расширенное воспроизводство, проводимое региональными инвестиционными фондами, не ведется ими для извлечения прибыли (их прибыль — паевые вклады создаваемых групповых предприятий), и потому появляется возможность управлять процессом экстенсивного расширения и перелива капитала в интересах решения таких задач, как улучшение здоровья людей и природы, сохранение неиспользуемых ресурсов, помощь третьему миру, уменьшение рождаемости и т. д.

Такой способ расширенного воспроизводства требует и новую, более прямую форму демократии на уровне государства.

Все эти следствия можно видеть на примере функционирования групповых предприятий на Западе и особенно федерации «Мандрагона» в Испании, которая является фактически первым в мире государством групповых предприятий и учреждений.

Но вернемся на «землю» приватизации

При приватизации на основе правового пони-

мания собственности возникают два важных вопроса.

1. Что вправе иметь коллективы отраслей, не подлежащих приватизации (энергетика, связь, железные дороги и т. д. — отрасли, где конкуренция затруднена, а централизация необходима)?

Вправе распоряжаться прибылью, (после оплаты расходов на создание средств производства) и иметь определенную внутреннюю демократию, включая вопросы распределения госдоходов и реализации продуктов труда/услуг. Плюс гарантия от разорения!

2. Тот же вопрос встает и по отношению к бюджетным работникам и пенсионерам.

Номенклатура и ее союзники выступают здесь поборниками, справедливости и требуют для госслужащих и пенсионеров участия в дележе госсобственности с помощью так называемых ваучеров и акций, продаваемых государством (!), стремятся загнать людей, натравить бюджетников на трудовые коллективы и оставить в своей собственности большую и важнейшую часть промышленности и хозяйства страны. На самом деле госслужащие призваны помогать работе различных трудовых коллективов, производящих продукцию или коммерческие услуги, и последние оплачивают их работу и обеспечивают товарное покрытие этой оплаты. Поэтому бюджетные работники могут требовать лишь увеличения этой оплаты, пенсионного и социального обеспечения, а так же и увеличения внутренней демократии в своих конторах. В капиталистических странах бюджетники играют точно такую же роль, также косвенно помогая созданию всех средств производства, но даже у коммунистов так не хватает фантазии требовать для них бесплатно акции от капиталистических фирм!

Пенсионеры—ветераны производственных и сервисных отраслей теоретически имеют право требовать от государства возвращения удержанных с них в прошлом средств, но требовать такого от государства—банкрота нереально. Полной справедливости достичь невозможно.

Это относится, между прочим, и к случаям, когда одним коллективам достанутся дорогие предприятия, а другим — дешевые (с дешевым оборудованием), одним — новые, другим — старые. В первом случае положение может уравновешиваться в значительной мере тем обстоятельством, что коллективы предприятий с более дешевым оборудованием должны будут тратить меньше средств на его поддержание и модернизацию, и быстрее будет у них оборот капитала. А во втором случае — возможностью создания фондов взаимопомощи, как это делается на Западе, и получения от них старыми предприятиями беспроцентного кредита на модернизацию оборудования. Кроме того, коллективы новых предприятий должны будут продолжать выплачивать их стоимость государству.

Между прочим, аргумент скептиков, что при обсуждаемом нами пути приватизации средства производства будут доставаться коллективам бесплатно и потому не будут цениться работниками, не имеет под собой оснований. Практически никакие предприятия не будут доставаться бесплатно, так как везде будет необходимость немедленно начинать либо ремонт и модернизацию, либо конверсию и переуплотнение, и вкладывать в это средства, выделять из прибыли и занимать. Кроме того, почти над всеми коллективами будет висеть угроза разорения и безработицы. Так что причин ценить полученное во владение имущество будет более чем достаточно.

Задается еще и такой вопрос. Кто-то уйдет на пенсию перед самой передачей предприятия в собственность коллективу, а кто-то только придет, и ветеран останется ни с чем, а новичок получит богатство, разве это справедливо? Повторим тут, во-первых, что абсолютной справедливости достичь невозможно, вся жизнь на-

ша стоит на случайностях, но можно рождаемую ими несправедливость смягчать, и делать это много легче, если в основе «дела» лежит правовой фундамент. Так, с новичков коллектив может требовать выплаты их доли капитала, в рассрочку, а для ушедших накануне приватизации учредить при возможности какую-то пенсию, дополнительную к государственной. И государство может поощрять такие пенсии, позволяя списывать их с налога, как списываются на Западе суммы, идущие на благотворительность. И пенсия, заметим, это не акции, которые предлагают сейчас выдавать сторонники номенклатурной приватизации. Акции будут переходить по наследству или продаваться, и на спине у коллектива начнут быстро появляться чужие нахлебники, что будет уж совсем несправедливо.

И еще одно важное замечание по ходу дела. В последнее время я пришел к выводу, что для очень больших и капиталоемких предприятий не подходит долевая форма совладения по той причине, что приходящим новым работникам может оказаться не под силу выплачивать свою долю капитала. Вся жизнь придется выплачивать! На Западе в этих случаях применяют либо неделимую форму совладения, либо смешанную. Пример первой дает известная в Европе фирма «Партнерская группа Джон Лоис», почти с 40 тысячами работающих, большинство из которых являются совладельцами фирмы. Капитал фирмы принадлежит ей целиком как юридическому лицу. Поступая на работу, люди ничего не выплачивают, уходя, доли капитала не получают, но получают от фирмы пенсию, а во время работы участвуют в управлении и дележе прибыли, той части, которая идет в фонд потребления.

Пример смешанной формы дает федерация «Мандрагона» (Испания). Здесь 160 фирм, принадлежащих трудовым коллективам. Там капитал такое неделим, но делится прирост капитала. Для этого отчисления из прибыли для поддержания и развития производства заносятся на лицевые счета работников, они ежегодно получают проценты с них, а при уходе с работы — все, что накопилось на лицевых счетах, включая и определенную сумму, которую каждый работник выплачивает фирме при поступлении на работу. Но если фирма начнет терпеть убытки, начнут таять и суммы на лицевых счетах. В России коллективам крупных предприятий можно было бы посоветовать в случае приватизации именно такую форму совладения. Она наглядно показывает работникам положение их предприятия и степень эффективности их работы и снимает проблему дележа слишком дорогих основных фондов.

В заключение отметим решающее прагматическое преимущество приватизации на основе правовой концепции собственности. Состоит оно в том, что предприятия и коммерческие учреждения получают конкретных владельцев, — трудовые коллективы, — жизненно заинтересованных в благополучии и эффективности предприятий, учреждений. В случае же приватизации с помощью государственного акционерства большая часть акций достанется (и достается уже!) государству и номенклатурным структурам, так как частный капитал не рискует идти в приватизацию ненадежной госпромышленности в ненадежной политической и инфляционной ситуации, имея к тому же более выгодные сферы применения — торговлю и спекуляцию. Да и не хватят частных капиталов, чтобы взять контрольный пакет хозяйства страны. То есть приватизации по существу не произойдет, а значит и настоящих конкурентных рыночных отношений не возникнет.

Вторая прагматическая выгода — сохранение средств на предприятиях для их модернизации и т. д. Все другие пути приватизации связаны с изъятием средств (из прибыли), будь то государственное акционирование или выкуп пред-

приятий трудовыми коллективами.

Эти прагматические соображения привели к тому, что за безвозмездную передачу предприятий в собственность трудовым коллективам стали выступать в последнее время многие видные сторонники капиталистической экономики, в надежде на последующее капиталистическое перерождение хозяйства. Назову такие имена, как Пияшева, Селюнин, Лисичкин, Святослав Федоров и примкнувших к ним сторонников групповой собственности, таких как Сергей Алексеев и Владимир Тихонов. Напомню в связи с этим о коллективном обращении большинства названных к Ельцину: «Отдать бесплатно. Докладная президенту о наиболее разумном способе приватизации» («Известия» № 38, 92).

Но смогут ли, часто задается вопрос, хозяйствовать трудовые коллективы, не имея навыков и опыта? Хозяйствовать, руководить будут менеджеры, которых выберут или наймут по конкурсу коллективы (или их Советы). Эти менеджеры будут совладельцами предприятий и не будут принадлежать, как правило, к старому директорскому корпусу, который не может работать в условиях рынка и демократии.

Конечно, настоящего рыночного опыта в России нет ни у кого, включая менеджеров, но поначалу в глубоком товарном вакууме можно обходиться и без этого опыта. По мере же заполнения рынка и опыт будет налаживаться. И внутренняя демократия в трудовых ячейках будет отлаживаться, будет устанавливаться оптимальное равновесие между представительной и исполнительной властью, там, где процесс отлаживания будет задерживаться, начнутся убытки и банкротства, другим в остростку.

Для выживания групповым предприятиям потребуется, как показывает западный опыт, создание региональных фондов взаимопомощи, иначе — инвестиционных («Народная касса» в федерации «Мандрагона»), для получения беспроцентных кредитов и строительства в дальнейшем новых групповых предприятий. Потребуется в переходный период и третья палата в парламенте — Палата Производителей («Генеральная ассамблея» в «Мандрагоне»), формируемая из выборных представителей коллективов всех отраслей и видов предприятий и учреждений, включая представителей владельцев частных предприятий, пропорционально их весу в ВВП. Такая палата должна обладать правами законодательного органа власти и контролировать с правом решающего голоса все действия и постановления Президента и Правительства в хозяйственной области. Без такой палаты и фондов взаимопомощи номенклатура может задушить групповые предприятия в самом зарчатке.

Теоретически возможен такой вариант, что групповые предприятия повсеместно начнут проигрывать частным и уходить со сцены. Ну что ж, в этом случае капитализм постепенно завоеует Россию. Но такое вряд ли случится, если принять во внимание, что на Западе групповые предприятия, как правило, превосходят в эффективности частные. А в России нельзя сбрасывать со счета и традиции обшного, артельного труда, наверняка еще прочно сидящие в подсознании народа. Я уже не говорю о том, что с развитием сознания людей и общества демократия точно так же должна вытеснить авторитаризм из трудовой ячейки, как она вытеснила его из государственной структуры. Не остановится на наемной стадии и освобождение труда. Был раб, был крепостной, есть наемный работник, появился и будет господствовать работник—хозяин средств и продуктов своей работы. Остановить такое развитие может только общая катастрофа человечества. И если катастрофа случится, то главной ее причиной будет опоздание перехода к синтезному строю самоуправления и групповой трудовой форме собственности.

Так что не частная капиталистическая собственность, — она сделала свое дело! — а групповая трудовая способна вывести Россию и все постсоциалистические страны, а там и все человечество из кризиса. И нравственное возрождение личности может обеспечить только такая форма. Она снимает извечное противостояние между эгоизмом и альтруизмом, между стремлением к самоутверждению и единению с людьми. При ней преуспевают и выживают те коллективы, в которых люди ведут себя более социально, более порядочно и добросовестно. Она не закабалает человека, освобождает.

И переход к самоуправлению и групповой трудовой собственности не равен по значению прежним переходам — рабство, феодализм, капитализм, госсocialизм — это переход к новой эпохе, к эпохе действительно бесклассового общества, не имеющего насилия в основании, будь то насилие с мечом или чековой книжкой в руке, переход ко взрослому, экстратерированному состоянию человечества, когда оно свои силы будет концентрировать не на внутренних проблемах и борениях, а во вне, на проблемах продолжения рода человеческого и улучшения условий человеческого существования.

